

СОДЕРЖАНИЕ

1. НА КРЫЛЬЯХ ВАТ@. Женька, сегодня.	5
2. ЖЕМЧУЖИНА ЛАЛУ. Фернандо, 1521 год.	21
3. ПАРОЧКА ТРУПОВ СО ВЗЛОМОМ. Женька, сегодня.	50
4. ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ. Александринька, 15 февраля 1856 года.	66
5. НАСЛЕДСТВО СИНЕЙ БОРОДЫ. Женька, сегодня.	97
6. «ЖЕЛЕЗНАЯ БАБОЧКА». Ими, 1984 год.	117
7. ШКОЛА ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ВОЖДЕНИЯ. Женька, сегодня.	153
8. НАСЛЕДНИК. Григорий Александрович, январь 1985-го.	178
9. В БЕРЛОГЕ. Женька, сегодня.	207
10. ТАЙНА ЗЕМНЫХ НЕДР. Арата, 1990-е.	224
11. КЛИНИКА. Женька, сегодня.	246
12. СЕРОВАТАЯ КАРДИНАЛЬША. Лилия, 1960-90-е годы.	262
13. РОССИЯ — ЯПОНИЯ — 0:1. Женька, сегодня.	291
14. 1991-й.	314
15. ОБЕРТКА ОТ ДАРОВ ВЛЮБЛЕННОЙ ДАМЫ. Женька, сегодня.	333
От автора.	349

1

НА КРЫЛЬЯХ ВАТ@ ЖЕНЬКА, СЕГОДНЯ

За четыре часа до того, как все началось, я еще торчала в Кремле.

Пресс-конференция нудно катилась к концу. Отщелкав положенное число протокольных кадров, я терпеливо дожидалась момента, когда можно будет смыться. И, с трудом подавляя зевок, разглядывала парочку сидящих за малахитовым столом лидеров великих держав.

Пресные какие-то. То ли дело прошлый тандем на высшем уровне! Каждый саммит что-нибудь отчебучивали — успевай аккредитовываться. А эти... Напрасно потраченный день. В семь встала, к восьми поспела к Спасской башне на проверку аппаратуры. Там в три раза дольше обычного продержали, в каждый кармашек кофра залезли, саму всю прощупали, словно что-то искали. Бомбу в бюстгальтере несут! С моей грудью не то что бомба — и граната выпирать будет, никакого обыска не потребуется. То ли дело у Ленки, которая еще в школе, скрывая от мамы, что курит, под одной грудью прятала пачку «Космоса», под другой — коробок спичек. Так нет, обыскивали, ощупывали и еще хамски спросили, не забыла ли я чего.

С полдесятого на старте, с одиннадцати в полуприседе, чтобы в двенадцать двадцать несколько раз клацнуть затвором. На все адекватное в жизни всегда найдется своя

порция протокола. Грустно. И еще сон этот из головы не шел, тот снова приснившийся сон, после которого всегда не хочется просыпаться. Никитка, такой до спазма в животе родной муж, берет за руку и ведет к колыбельке, а там не Димка — он рядом, а девочка. Я склоняюсь над колыбелькой и раздваиваюсь. Теперь меня две — та, что склонилась, и та, что внутри, — крохотная, долгожданная. Разделение на две половинки бытия.

Дернул же черт в пятнадцать лет запомнить, что сказала гадалка — будет у тебя муж, тебя старше, будут дети — мальчик и девочка. Только девочку тебе Господь пошлет, когда поймешь в жизни что-то главное.

Не поняла... Возраст уже не тот, чтобы этому сну сниться, да и Никита десять лет как вне моей жизни. Из всего сна в наличии только сын Димка. Остального нет, словно не было.

Об ушедшем счастье помнить нельзя. Чтобы выжить, надо забыть. Я выжила, потому что забыла. Совсем. И предавал только этот сон, после которого просыпалась с мокрыми щеками — неужели во сне люди плачут настоящими слезами?

Вот и сегодня зуммер мобильного, заведенного на шесть утра, показался спасением. Из незаслуженного рая убежать нужно не глядя. Убежала. Обычные два ведра холодной воды на себя, кофе в себя (чайник еще теплый, опять Димка всю ночь за компьютером просидел!) — и вперед! В Кремле ждать не любят. До того, что ты прилетела ночью и спала только пять часов, и тем более до твоих снов и до тебя самой никому в целом свете дела нет. Чтобы выжить, надо не жить...

Живу. Если жизнью можно назвать это протокольное бытование. Все серые стоят, оттеняя фон малахитовой роскоши Кремля. Почему при любых лидерах клерки на одно лицо? А кто это там, так похож на серую кардинальшу десятилетней давности?

— Кто это? — дернула за рукав соседа по прозвищу Джонни-толстяк, завсегдастая паркетных съемок, в паре

с которым когда-то в другой жизни работала в госагентстве.

— Не узнала?

— Не поверила.

— Мадам Кураева постарела...

— Где ж она так долго была?

— Говорят, замужем, то ли в Италии, то ли в Швейцарии.

— Мелковато для ее масштабов.

— Вот и вернулась!

— Да, времена не те.

— Погоди! Такая и времена еще поменяет...

Задумавшись о российской мадам Помпадур, случайно замеченной в некогда привычном для нее кремлевском интерьере, я упустила момент, когда коллеги повернули объективы от их президента к нашему и уже вовсю стрекотали щелчками камер в его сторону. Опомнилась, лишь когда заметила в своем видеоискателе, как бравый американский лидер засунул два пальца в рот, вытащил жвачку, слепил шарик и прилепил его к малахитовой столешнице тем же движением, каким, поди, всю жизнь лепил жвачку к столикам в «Макдоналдсе». Рефлекс.

Тот же рефлекс заставил меня нажать на кнопку фотоаппарата. Боковым зрением заметила, что конкуренты, увлеченные нашим президентом, казус со жвачкой, похоже, проморгали.

Осторожно стала пробираться между объективами и кофрами, вычисляя, как скорее сдать снимок в агентство, на случай если кто-то кроме меня все-таки успел запечатлеть сие. И уже предвкушала уши шефа бюро. Уши эти отличались удивительным свойством краснеть в предчувствии сенсации. World press photo! Обложка Time! Повышенный гонорар как минимум.

За два часа до того, как все началось, я была на Кутузовском, в офисе западного агентства, на которое много лет стринговала.

— Ви с ума зошли, Женья! Ми ваз отправляем на зеръезную зьемку, а ви что приносите?!

Обложкой Time не пахло. У шефа побагровели не только уши, но и все лицо.

— В то время, когда ми объединяем все зилы для борбы з изламским терроризмом, ви хотите виставить демократъического лидера въеликой страны на посмешище?! Каръикатуру из него сделать?! — шипел тот самый шеф, который в девяносто шестом, будучи еще простым корреспондентом, вне всякой очереди проталкивал на ленту мои кадры с нашим первым президентом, пляшущим в ходе своего предвыборного турне на ростовском стадионе: «Генияльно, Женья, мир должен видеть политика в истинном свете!» Теперь свет, видимо, поменялся.

— Ковырайся в носу бен Ладен, вы бы молнией выдали снимок на ленту. А ваши — они, конечно же, святы! Не на ранчо с коровами росли, — парировала я вяло.

Настроение было испорчено, а затею переспорить американскую буквальность любого из четырех шефов, которых пережила за время стрингерства, я бросила еще во времена, когда их гонорар за один снимок равнялся трем моим месячным советским зарплатам.

— Мир перед лицом угрозы тьерроризма, и очернять наших лидеров — значит играть на руку врагам демократии! — все больше багровел Тимоти.

— Странная у вас демократия получается. Наших пьяных президентов тиражировать на весь мир можно, а бескультурных ваших нельзя.

— Езли у вас, русских, ничьего святого нет и ви так змеетесь над теми, кого зами и вибрали, это ваш проблем! Змеяться над нашими зимволами демократии вам никто не позволит!

Я и не «змеялас». О повышенном гонораре речи быть не могло. Без штрафов бы обошлось.

Сидящий за своим компьютером второй корреспондент, огненно-рыжий Даг, подмигнул — не бери, мол, в го-

лову! И показал за спиной шефа оттопыренный средний палец, одними губами произнеся ругательство.

— Поеду спать. Ночью только в полвторого из Назрани вернулась, с шести на ногах, и пшик...

Не раз замечала, что беспредельная усталость обостряет ощущения. После долгих фотозасад, когда сутками без сна пасли у чилийского посольства Хонеккера или несколько дней сидели в Буденновске, я вдруг начинала ловить детали и ощущения, фиксировать которые прежде не случалось. Привычные улицы вдруг подбрасывали странные сюрпризы. Обычные прохожие простым движением открывали все свои тайны.

Разбитый «Москвич» того почтенного возраста, в котором отечественные машины уже не живут (на нем еще Димку везли в первый класс), с трудом притормаживал на скользком асфальте, грозя очередной раз застрять посреди дороги. Датчик топлива угрожающе горел и до моего отъезда в командировку, но времени заехать на заправку так и не нашлось. Колодки ни к черту! Давно менять пора!

Дождь зарядил нешуточный. Скрипящие дворники почти не справлялись с потоком воды, лишь изредка давая возможность относительного обзора. Но, старательнее обычного вглядываясь в лобовое стекло на светофорах, я вдруг замечала странные сюжеты и декорации мокнущего города. Перебегающий дорогу человек в дорогой куртке, поскользнувшись, ударился о крыло и чуть не влетел под мои колеса — машину даже потрянуло. Хорошо, что «Москвич» прочно стоял в пробке. При движении я наверняка покалечила бы беднягу.

Мужчина встал, отряхивая от мокрой грязи дорогие брюки и что-то бормоча, побрел в сторону, противоположную той, куда только что бежал. Скрылся он в подьезде с вывеской брачного агентства «Синяя Борода». Может, на randevу спешил, а грязный идти не хочет.

Ну и названьице для брачного агентства — «Синяя Борода»! Кто из нас чего-то не понимает? Я им плачу деньги, они мне находят мужа, который меня же и душист?! Интересно, сколько у них в месяц получает главный пиарщик? Или ему конкуренты приплачивают? За дискредитацию родной конторы. Может, предложить ему поставить дело на поток. Торговать брендами — охранное агентство «Чикатило и Ко», страховая компания Юрия Деточкина, институт благородных девиц имени Моники Левински... Чего дудишь, думаешь, раз «Гелентваген», да еще с крутым номером сплошь с бубликами букв «о» и палками единиц, тебе через меня ехать можно?! Сама вижу, что уже зеленый, еду я, еду. У меня ж не джипешник! Чтобы выжать сцепление на моем танке и попасть в первую, а не в третью скорость, усилия нужны. А сил после стольких бессонных ночей у меня не много. Больше помутнения рассудка.

Свернув с Маросейки, во дворе я с трудом втиснула свой ржавый лимузин между двумя «мерсами», явно относящимися к соседнему подъезду, три года назад на корню закупленному неким банком. Въехавший следом джип не знал, где приткнуться. Не успел, дарагой, параста! Такова она, селяви. «Москвич», он тоже хочет парковаться! А ты в переулочке местечко поищи, хотя хрен найдешь.

«Гелентваген» уезжать из двора не спешил, словно надеялся, что кто-то освободит место. «Ну жди, жди!» — мысленно разрешила я и, зевая, потащила привычно отрывающий плечи кофр на последний этаж. В нашем некорпоративном подъезде лифт снова чинили.

До того, как все началось, оставалось час двадцать.

— Голубушка, Женечка, у вас потолок случаем не протек? — окликнула выглянувшая из квартиры слева соседка.

Соседка была из тех считанных экземпляров московских старушек, что дома ходят в юбке и блузке с камеей и каждый день носят антикварный черепаховый гребень, который год от года все хуже держится в редеющих волосах.

Сколько лет моей соседке, в нашем подъезде не ведал никто. Еще во время нашего с Димкой вселения она показалась мне древней, хоть и колоритной старухой. За десять лет соседка ничуть не изменилась. Наверное, все ее возрастные лимиты были исчерпаны, и дальше меняться стало некуда.

— Не знаю, Лидия Ивановна, дома почти не бываю. А Димка и потоп может не заметить... Сейчас посмотрю.

Распахнув дверь и сбросив свою вечную фотоншу на ее законное место — старый сундук в прихожей, — кликнула сына.

— Джой, у нас потолок не тек? Джо-о-ой! Дрыхнешь?

Дернув дверь в комнату сына, заметила, что под его одеялом еще кто-то есть. Ночью я на это не обратила внимания. Когда я приехала, Димка сидел за компьютером. Неужто, отправив барышню в постель, продолжил работу? Высокие отношения!

Дверь в комнату сына пришлось целомудренно прикрыть и кричать уже издали:

— Лидия Ивановна спрашивает, во время дождя потолок не протекал?

— Был дождь?

— Ливень! А гражданам интернета — что зима, что лето...

Бросив взгляд на пошедшие трещинами, ни разу не отремонтированные, но сухие потолки, пошла обратно на площадку.

— Нет, Лидия Ивановна, похоже, у нас не протекло.

— Над вами крыша, наверное, хорошая. У покойника Григория Александровича, царство ему небесное, тоже всегда сухо было. И у Татьяны Николаевны с Павлом Никитичем. А надо мной — что за беда такая! Как дождь, все сразу набухает. И Викочка, голубушка, мучилась, дышать не могла.

И Лидия Ивановна привычно запричитала об умершей подруге, с которой они прожили много лет. Но слушать про

покойницу Викочку и про набухание соседских потолков не было сил. Хотелось только спать... Спать... Согреться в ванной и спать.

— Не слышишь, что ли, Жэ Жэ, тебя.

Входная дверь чпокнула, видно, ночная гостя сына исчезла столь же незаметно, как и появилась, а снявший трубку Димка тем временем звал меня к телефону. Завернувшись в полотенце, выскочила из ванной, прошлепала на кухню и мокрой рукой взяла трубку.

— Але!

— Не будь дурой...

— Вы, наверное, не туда попали, — зашипела я от злости, что зря выдернули из ванной. Приходится мерзнуть, на полу растекается лужа, и все ни за что.

— Туда мы попали! Постарайся все понять! И не будь дурой.

Связь отключилась. Пошли гудки.

Собственно, началось все в этот момент, только тогда я этого еще не знала. До осознанного начала оставалась пятьдесят одна минута.

— Маразм крепчал!

Сигарета от мокрой руки разбухла и не хотела прикуриваться.

— У тебя кто-то был или мне показалось? — как бы вскользь поинтересовалась у наливающего себе кофе сына.

— А что наша жизнь — как не реальность, данная нам в ощущениях! — сонно изрек Джой.

— Философ доморощенный!

— Да ладно тебе, ЖЖ.

На цыпочках прошлепала обратно в ванную, добавила горячей воды, но согреться не могла. В животе сидело мерзкое ощущение — помесь озноба с отвращением. Забравшись на свой допотопный диван размером со стартовую площадку небольшого корабля и поленцами кожаных валиков вместо двигателей, завернулась в комочек и укры-

лась с головой — только нос наружу. Сейчас засну, и это не отпускающее ощущение бреда уйдет. Сейчас засну... Сейчас...

Прозвища ЖЖ и Джой, или Джойстик, прижились у обоих от инициалов. Я — Женя Жукова. Сын — Дима Жуков, в детстве до одурения заигрывавшийся в телевизионную приставку, последний подарок отца перед отъездом в Штаты. Девятилетний в ту пору Димка засыпал с джойстиком в руках, за что и был так прозван.

Со временем длинное прозвище сократилось до краткого Джой. Ибо постыдно было бы нынче публично звать Джойстиком двадцатилетнего дядьку, носящего то дреды разного цвета, то юбку поверх штанов (только бы бабушка с дедом не увидели, я-то как-нибудь переживу!), живущего преимущественно в Сети и лишь изредка отвлекающегося на не виртуальный мир. И сын стыдился бы такого обращения не меньше, чем сидевший со мной за одной партой в первом классе Лешка Оленев стыдился своей пышной чадолюбивой мамы, когда та при всех называла его Олененком. Что, впрочем, не помешало Лешке ныне стать олигархом...

Срываясь на домашнее прозвище без свидетелей, при Димкиных приятелях я старалась себя контролировать, благо делать это приходилось нечасто. Слишком уж параллельное получалось у нас существование. Обитая на одной жилплощади, мы практически не пересекались. Что и спасало от конфликта поколений.

Раздрызганность нашей квартиры не вязалась с respectableм видом из окна. С панорамой на Кремль бедные ныне не живут. Случайно доставшаяся в девяносто третьем году квартира являла собой странную помесь всего, чем была полна до нашего прихода, и того немногого, что мы с Джойстиком принесли с собой. Как слоеный пирог, где культурный слой каждого следующего хозяина не уничтожал, а покрывал предыдущие.